

АРТЕМ ЧУРЮКИН

ВОЙНА С САМИМ СОБОЙ

ДОРОГА СНОВ

Артем Чурюкин Война с самим собой: Дорога Снов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28062012

ISBN 9785448593444

Аннотация

Меланхоличное повествование вплетает кошмарные сны и мрачные фантазии в пустую, пропитанную болью утраченных мечтаний реальность. Собственные демоны преследуют по пятам, накидывают петлю на шею и выталкивают рассказчика за грань безумия. И тогда, окончательно разрушив себя, он свершит кровавую бойню, выжить в которой не суждено никому...

Содержание

Посвящение	5
Фантомные боли	6
Последствия	6
Конец игры	22
Перерождение	40
Уборка	57
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Война с самим собой: Дорога Снов

Артем Чурюкин

Вступив на путь, иди до конца

Редактор Елена Астахова

Дизайнер обложки Александр Лафаки

© Артем Чурюкин, 2017

© Александр Лафаки, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4485-9344-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Посвящение

Кричи, если нечем дышать. Ори во всю глотку любимым песням, если они играют и рвут толпу. Пей до изнеможения этой жизни горькую сладость. Кури. Признавайся в любви тем, кого любишь. Кусай губы от боли и разбивай костяшки в кровь. Мчи по трассе в закаты и рассветы, плюя на любые ограничения скорости, пока наглый ветер треплет твои волосы. Смотри на звёзды и лови падающие кометы. Танцуй, будто бы в последний раз, как бы ни стеснялся и как бы глупо это ни выглядело. Плачь от обиды, не сдерживай слёз, ведь те, кто по-настоящему с тобой, не будут притворно утешать, а просто присядут на холодный камень рядом с тобой. Делай что угодно, лишь бы дышать. Дыши, жадно вдыхай затхлый или свежий воздух, потому что ничего ценнее кислорода на этой планете не существует – поверь мне, старому астматику. Дыши, потому что с каждым вздохом ты ближе к финалу, ближе к смерти, как сигарета, чьи тлеющие останки раздавят о жестяное дно пепельницы и просто возьмут следующую, но ты станешь ближе и к своему пути, собственной дороге, ведущей к чему-то светлому, далёкому и чистому. И даже если не можешь её найти – она всё же есть, и все эти скитания вечные в конце концов приведут тебя к ней, и ты ступишь на неё, прожженный жизнью, но не одинокий, сломленный и разбитый. Как я.

Фантомные боли

Последствия

Я вновь лежу на исчерблённой временем и морской солью бетонной плите, некогда бывшей идеально гладкой и ровной. Звёзды нависают холодными россыпями, изредка мерцают, будто перемигиваются друг с другом: гляди, мол, ещё одна беспокойная душа смотрит на нас, ищет в нас ответы. Которая за сегодня? В уши, прямо в мозг кричит короткими фразами и эхами голос вокалистки CHVRCHES. Песня, конечно, уже не как в первый раз – не заставляет сердце биться быстрее в такт ударным, но продолжает немного успокаивать и уносить куда-то вдаль, даже не за горизонт, но куда-то в другой мир, и позволяет видеть картины из этого другого, лучшего мира.

Вдруг падает комета. Она разрезает хвостом небо на две части и на мгновение затмевает другие звёзды пламенем своей сгорающей в атмосфере плоти. И вроде бы в этот короткий миг смерти космического странника (увы, не первого и не последнего за эту ночь) надо бы успеть загадать желание. Так говорили мне ещё в детстве. И внутренний голос автоматически, лишь бы успеть, лишь бы вселенная услышала, проговаривает первую пришедшую в голову мысль. Невоз-

можно вмешаться в этот процесс, но так даже честнее – ведь на поверхность всплывает именно то, во что ты веришь и чего ждёшь больше всего. И эта первая мысль была совсем не о той, о ком она должна была быть. Не о той, с кем я провёл все сознательные годы своей жизни, о ком ещё до этого мечтал одинокими подростковыми ночами, кому не понимал, как признаться, как разговаривать, как не бояться, что вообще делать. Не о той, кого ждал, кого всегда ждал, была она ещё без меня, уже со мной, или уже без меня. Не о ней.

Почему? Что это? Излечение, смирение, принятие ужасающей реальности? Или, наоборот, попытка сбежать от неё, взять свою жизнь в свои же руки и наконец-то самому принимать в ней решения? Или кто-то другой вместо меня? Страшно, очень страшно от этой мысли, будто я теряю себя, будто я утопаю в глубоком синем море, достигаю самого дна и при этом понимаю – это лишь этап, и за этим дном кроется другая, ещё более глубокая бездна. И бесполезно стрелять своими старыми желаниями вслед этой комете. Она погибла, а первое, натуральное желание уже устремилось отголосками электрических импульсов куда-то во вселенную, и остаётся лишь надеяться, что она его не услышит. Или услышит, но подождёт второй жалкой попытки мольбы, звучащей как оправдание.

Не буду дожидаться следующей кометы – вдруг внутренний голос снова сможет выкрикнуть своё «Хочу» вперёд меня самого. Встать, размять затёкшие от неудобной позы ру-

ки, потянуть спину, не привыкшую к холодному твёрдому камню, подобрать свои вещи – телефон, ингалятор (если я так хочу умереть, то зачем постоянно таскаю его с собой?), зажигалку и пару пачек сигарет (одной на вечер мне уже не хватает). Дальше предстоит короткий путь по высокому волнорезу. Я буду идти и курить, представляя, будто хожу по парапету, но не в летнем ночном шуме волн, а солнечной весной под вой разъярённого ветра, разглядывая не манящую набережную с барами, а караваны белых облаков, плывущих куда-то вдаль за горизонт. Только небесные корабли эти теперь лежат мёртвыми скалами в море вокруг меня.

На набережной, за углом, расположился небольшой магазинчик одежды с женскими манекенами, одетыми в короткие коктейльные платья. Каждый, каждый проклятый раз, когда я направляюсь в сторону зланных мест моего путешествия, я так и вижу её вместо этого манекена, вздрагиваю и цепенею на долю секунды, пока мозг разбирает по полочкам увиденное и пытается понять, что реально, а что дорисовал он сам. В конце концов иллюзия распадается, и я уже не вижу её в этом безжизненном пластиковом теле, но сам намеренно представляю её. Только вот зачем?

И снова эти разряды тока – побочные эффекты отмены антидепрессантов – проходящие по всему телу насквозь, будто я прикован к койке где-то в ревущей сиренами машине скорой помощи, которая мчит, обгоняя редкие ночные автомобили и расталкивая их на светофорах и перекрёст-

ках. Или уже в больнице лежу на операционном столе. Надо мной склонился только что очнувшийся ото сна или оторванный от тупого ночного телешоу хирург, и медсестра холодным, спокойным, даже уставшим тоном объявляет «разряд». И эти разряды проносятся короткой вспышкой, пытаюсь разбудить, вытащить меня из этого то ли сна, то ли фантазии, в которой всё ещё есть надежда на хороший, не одинокий финал.

Я запутался. Кто, кто из них важнее, кто из них реальнее? Или они обе – лишь иллюзия, лишь какие-то странные мечты, которые раковыми опухолями расползлись по моему мозгу, пустили метастазы в память и теперь разрывают её на куски, стараясь взять верх. А я – лишь поле боя для этих двух больных идей, застрявший где-то между навсегда ушедшим прошлым и будущим, которое никогда не наступит. И только настоящее – реально.

Кажется, последние позитивные эффекты (если ощущение самого себя овощем и отсутствие каких бы то ни было эмоций и влечений можно назвать «позитивными эффектами») от таблеток окончательно выветрились, и я остался беззащитен перед своими собственными мыслями. Мне осталось не так много времени, не больше пары недель, но даже поделиться этим не с кем, потому что никто не примет, никто не поверит. Каждый будет отговаривать меня и рассказывать какие-то сказки о том, что всё наладится, я справлюсь и переступлю через это.

Только вот никому не объяснить, что для меня – это и есть «справиться», совладать с демонами внутри, отправиться в последний бой против них и закончить его ничьёй. Ничья – не всегда плохо, особенно если шансов на победу нет абсолютно никаких. А их действительно нет, и максимум, что я способен сделать с демонами в одиночку – это запереть и удерживать за стальными прутьями клеток в мрачных темницах, сам подпитываясь окружающим теплом, но тепла не осталось. Всё ушло, ничего не осталось. Только холод, только продрогшая земля, мрачное небо в клубках туч, немеющие пальцы рук, бьющие по клавишам ноутбука, стук зубов и пар изо рта.

Холодно, очень холодно, и негде согреться, но скоро и холод закончится.

Скоро всё закончится.

Классический ирландский паб, с небольшим антуражем Греции, весь в дереве. Над зеркалом за барной стойкой с тремя длинными рядами полупустых бутылок висят таблички с забавными надписями, вроде «Пиво – ответ, но я не помню вопрос», «Когда я умру, похороните меня в подвале паба – тогда мой муж будет навещать меня 7 дней в неделю», «Если вы пьёте, чтобы забыться – платите вперёд», «Сохрани воду – пей пиво», «Каждому стоит верить во что-нибудь: я вот верю, что выпью ещё» и так далее. После каждого глотка смешанного с талой водой виски взгляд так и цепляется

за них, и на секунду я улыбаюсь этим шуткам, хоть и перечитываю их в сотый раз. Почему-то в баре всего две камеры: одна расположилась прямоком над кассой, а вторая глупо торчит над одной из дверей, которую к тому же закрывают ближе к часу ночи, когда паб забит людьми под завязку, а по улице демонстративно проезжает машина полиции, якобы проверяя уровень шума в увеселительных заведениях.

По двум плазменным панелям крутят записи футбольных матчей с прошедшего чемпионата, и немного странно находится здесь, если не любишь ни футбол, ни пиво. Но, пожалуй, это единственное место в городе с такой атмосферой: не с долбящей музыкой, неуклюже извивающимися оголёнными телами и разбавленным алкоголем, но с чем-то старым, добрым и уютным. Кажется, будто я здесь уже был, только не могу вспомнить, когда. Нет, конечно, я был здесь вчера, и позавчера, и за неделю, и за месяц до этого. Но я четко помню, что когда-то, очень давно, меня здесь не было: будто я ненадолго ушёл, чтобы снова вернуться. Куда я уходил – я помню, я уходил к ней, но почему и когда я был здесь до неё? И, главное, зачем?

Я вдруг, сам к тому не стремясь, выцепил из толпы взгляд. Да, это именно тот взгляд. Это Её взгляд. Это Она, та самая. Обворожительная улыбка, огоньки играют в уголках глаз, выискивающий пустые стаканы пристальный взор – побыстрее унести их от пьяных посетителей, чтобы не разбили. Короткий топик и не менее миниатюрные джинсовые шортики,

только подчеркивающие идеальные линии её юного загорелого тела. Длинные русые волосы не торчат в стороны, но лёгонько развеваются при её стремительном шаге. Но это всё неважно, не имеет никакого значения без взгляда, без этого и именно этого взгляда, от которого по телу проходит волна дрожи. Или это снова электрический ток таблеток? Или разряды дефибриллятора в скорой или в больнице? Не понимаю.

Её, проносившейся мимо, лёгкие касания, и я в бессилии напрягаю скулы. Глупо, ведь я для неё – просто очередной посетитель, только чуть более странный, чем все остальные, и говорящий на знакомом ей языке, но скоро я исчезну из её жизни навсегда, как и она из моей. На её месте, возможно (хотя вряд ли, конечно – слишком мало осталось времени), будут другие, но образ, именно её образ останется со мной до конца. Образ той, в которую я готов влюбиться, и влюбился бы, не выстрой вселенная кругом высокие бетонные стены с узкими щелями, только для взглядов и редких фраз. И я столько раз разбивал эти стены, и разбивал бы вновь и вновь – у меня хватит на это сил, если б знал, что всё будет хорошо. Но ничего хорошего из этого не получалось, так что, может, стоит перестать ломать их и просто плыть по течению? Тем более, что течение это скоро вынесет меня на берег, и единственная фраза, которая раскалённым металлом пульсирует в мозгу – это «скоро всё закончится». Скоро всё закончится. Совсем скоро. Закончится. Абсолютно всё.

И больше не будет ничего – я это знаю. Ни разрядов тока, ни этого взгляда, ни мыслей, ни чувств, ни ощущений, ни бесконечной пустоты внутри, ни наползающих в эту пустоту воспоминаний, ни разбитых мечтаний, ни потерянных снов. Ничего не будет.

Мне ясно дали понять, что я какой-то неправильный, какой-то безнадёжно сломанный, подлежащий списанию. Тогда, в машине, пока я мчал уже по Москве, наплевав на все ограничения скорости, обратно из безбашенного путешествия в лето, небо, горизонты и закаты и звёздные ночи, мне вспомнили каждую идиотскую мелочь, каждую ничтожную ошибку, которую я совершил за эти годы и за каждую из которых мне бесконечно стыдно. И вдруг стало совсем наплевать, что будет дальше, ведь нить моей судьбы предательски задрожала и запульсировала. Я не смогу измениться, я не смогу совладать с тьмой, я не смогу стать тем, кем я всегда стремился быть. И нет никакого смысла разбивать на осколки всё и потом собирать себя по крупичкам, ведь вся эта грязь – она будет в этих крупичках, и даже стискивай я кулаки, вставай и иди дальше, пытайся найти своё счастье с кем-то другим, мои демоны проследуют по пятам, и эта, какая-то новая история любви, закончится точно так же, если не хуже. Хотя, куда уж хуже?

Слишком долго я жил ради любви и отношений, упрямо ломая стены, сжигая мосты к тем, кто был против, слепо, будто с завязанными глазами идя вперёд куда-то, явно

не на свет. И по-другому жить не умею и, самое идиотское – учиться этому совсем не хочу и не собираюсь, потому что не вижу в жизни другого смысла. А раз его, по крайней мере, для меня, больше нет, так тогда зачем всё это? Пути тают, я почти вижу, как нити паутины обрываются одна за другой. Остается лишь одна, толстая, существовавшая всегда, ведущая к печальному финалу, последнему полёту облезлых поплёкших крыльев. Остаётся только одна нить, но хочется верить до дрожи в коленках, до потери дыхания, что кто-то сможет возникнуть в этой тьме, поймать кончик, заново привязать его к паутине, взять меня за руку и вести за собой во мглу неизвестности, в отличие от яркого света предначертанного. И уже не важно, чья ладонь крепко сожмёт мою. Это не имеет значения и никогда не имело, лишь бы нить не оборвалась. Только не здесь и только не сейчас. Надеюсь и верю, что кто-то крепко обнимет меня и заберёт домой, в потерянное в снах место, где можно ничего не бояться, никого не опасаться, ни за что не бороться, а лишь передохнуть и отправиться с восстановленными силами в новый бой этой бесконечной войны. Самому мне найти это место ну никак не получается, тем более с завязанными плотной чёрной тканью глазами.

Четвёртый стакан подходит к концу, но кубики льда не успевают растаять. Я – уже не уныло уставился в пачку сигарет и верчу в руках зажигалку, борясь с мыслями, а с идиотской улыбкой, отстукивая зажигалкой ритмы о дубовую

барную стойку, обвожу заведение взглядом. Может, хватит искать ответы на дне каждой бутылки? Тем более, если их там нет. Хотя, если долго стучаться в закрытую дверь – рано или поздно это кому-то надоест. Или тебе, или тому, кто за ней.

Часы отмеряют время, и остаются жалкие минуты до начала последнего месяца лета. Память вспышками уносит меня на восемь лет назад, в заставленную медицинскими книгами и иконами спальню, со странными подтёками на потолке, в которой после бесконечно долгой разлуки я подарил ей купленную незадолго до того подвеску, на собственные, честно заработанные установкой пиратской винды деньги. Потом ей запрещали её носить, но она упрямо продолжала – и это упрямство нравилось мне в те годы, но сейчас сыграло со мной злую шутку. Впрочем, как и всё. И всегда.

За центральным столиком расположилась компания престарелых (относительно других посетителей) европейцев, судя по бесстыдному громкому смеху – англичан (хотя один из лысых пузатых мужичков был в футболке Нэшвилла, столицы штата Теннесси), но откуда мне знать наверняка. Различать европейцев по внешности, а не по речи я так и не научился. Разве что – восточно-европейских девушек. Они просто красивее любых других.

Но вернёмся к посетителям. На вид им лет по 55—60, но они следуют моде и технологиям, в отличие от моих соотечественников того же возраста: татуировки, моноподы,

электронные сигареты. Только что в Pokemon Go не играют. Наверное, мы с женой и парой друзей со школы – такой же семейной парой – должны были бы быть такими же лет через 30: продолжать путешествовать, жадно поглощать новые эмоции и раздвигать горизонты, но без толку строить планы, если кости в этой игре кидаешь не ты – это я уже понял, множество раз столкнувшись с унылой реализацией живописных картин из моей головы.

Очередная волна дрожи, пробежавшая по телу, совпала с вибрацией телефона – пришло уведомление о новой фотографии в Инстаграме. С коллажа на меня смотрят десятки улыбок трёх бесспорно важных для меня, но забывших обо мне людей. Теперь всё встало на свои места, теперь всё стало понятно. Спираль совершила очередной виток, тяжёлым маятником ударив мне прямо в челюсть с такой силой, что из глаз посыпались искры, картинка распалась на мелкие колючие осколки, а дрожь по телу не собиралась униматься. Другое путешествие, которое мы долго планировали и о котором долго мечтали, состоялось, но мне там место не нашлось.

Я переписал для неё сюжет своей жизни, но его скомкали и выкинули, как мусор. Меня взяли за шкуру и вышвырнули из их жизней, как выкидывают надоевшую дворовую собаку в осенний дождь. Как пёс, я поскуливая бегаю по двору и не нахожу себе места, пока какой-то жалостливый прохожий не открывает мне дверь знакомого подъезда, и я устра-

иваюсь на драном коврикe перед хозяйской металлической дверью в старую жизнь.

Я не собака, я не дворовый пёс. Я – волк и всегда им был. Я должен встать, затаить гнев в глубине души и глаз (будто это не одно и то же) и уйти в холодную ночь, чтобы однажды вернуться и перегрызть им всем глотки. Я пытался любить их, но друзья повернулись ко мне спиной – что ж, тем неожиданней будут удары ножа в плоть и мучительней – предсмертные конвульсии.

Вдруг вереницу каких-то чужих, непонятно чьих, но точно не моих мыслей разрывает быстрый удар мачете пришедшего сообщения. Я стал дядей. Не понимаю, какое это вдруг стало иметь значение, но почему-то взгляд мутнеет, а я погружаюсь в другие свои мысли и брожу по разворованным вандалами коридорам своей башни, прокручиваю в голове каждый выложенный в ровные стены кирпичик. Вдруг раз – и я уже не последний отпрыск. Будущее поколение людей уже родилось, оно не маячит где-то вдалеке клубящимися тучами на горизонте. Оно уже здесь, приставило нож к моему горлу и уже подыскивает место в этом мире для строительства своей собственной башни. И их монументы будут определённo выше и величественнее, чем мой – так всегда было, так всегда будет.

Очередной демон склонился надо мной и шепчет прямо в ухо: «Ну же, вот она, стоит рядом, буквально руку протянуть. Давай, обними её, поцелуй, и похуй что будет потом.

Ты же хочешь, ты же так этого хочешь.» Хочу. Кто ты, сука? Покажись, дай хоть разок взглянуть в твоё лицо, или что там у тебя вместо него. Никогда не различал вас, выроdkов, и до сих пор не понимаю, когда каждый из вас появился. В те моменты, когда не получалось подавить праведный гнев как ответ на очередную семейную несправедливую ссору, устроенную отчимом под молчаливое согласие матери где-то в далёком детстве? Или в те, когда я глотал обиду, но рыдал в подушку ночью от боли, отчаяния и бессилия? Где вы прячете истории своего происхождения, в каких закоулках памяти? Вы знаете, что, отыщи я их, я смог бы вас уничтожить, избавиться от вас раз и навсегда. И без вас, наверно, всё было бы по-другому.

Приходится напрягать мышцы до боли и судорог, лишь бы побороть эту шальную мысль. Уже не выбросить её из головы. Лишь бороться, сражаться, до самого конца, а он близок. Это не моя игра, и кости в ней кидаю не я, и я даже не знаю её идиотских правил. Я могу попытаться, но что из этого выйдет? Казалось бы, должно быть уже всё равно, всё по фигу, раз скоро всё закончится, но отчего-то нет, не по фигу.

Голос не унимается, это смрадное дыхание где-то уже внутри меня продолжает нашёптывать убудочные мысли, растягивая паузы между каждой фразой, чтобы я успел невольно, но хорошенько их обдумать: «Давай сосредоточимся и посчитаем, сколько вечеров наедине со стаканом виски тебе осталось. Один, два, три... Три вечера, и ты пре-

красно понимаешь, что ничего не случится, абсолютно ничего, потому что вселенной насрать. Ей навалить на тебя огромную кучу тёплого дымящегося дерьма, того, что хрен смоешь, и приходится проталкивать его ёршиком в недра унитаза и ждать, пока вода в бачке накопится (господи, ну почему так долго?) и ты сможешь смыть и выйдешь из сортира под многозначительные переглядывания друзей и знакомых.»

Скулы сводит от боли, а зубы скрипят друг о друга, кроша старые пломбы.

Демоны выстроились на улице разношёрстной шеренгой. Разные. Одни – высокие мрачные фигуры в лохмотьях одежд; вторые – хищные уродливые звери, послушно застывшие, накапливая силы для броска, другие – нетерпеливо топчутся на месте, скалятся, рычат и пускают вязкие слюни на мостовую; четвёртые тихо шелестят едва заметными, сложенными за спинами крыльями. Они наблюдают за мной, за моими тщетными попытками что-то изменить, хоть что-нибудь, разорвать свой круг, вырваться из цепких лап смерти. Прохожие, проходя сквозь них, конечно же, их не видят, но чувствуют мороз по коже и ёжатся от холода, подсознательно стараясь поскорее убраться отсюда. Дерьмовый из меня был бы зазывала в бар.

Любой из них давно мог бы разорвать меня – настолько я стал слаб. Но отчего-то они этого не делают. Даже попыток не предпринимают, лишь приходят ко мне в самые беспокой-

ные минуты моей жизни, ослабляют меня своими мерзкими фантазиями. Будто ждут чего-то? Чего? Или, может, кого? Может, где-то там, в клубах дыма, прячется и копит силы тот, кто займёт моё место? Может, это его мысли иногда про-скакивают в моей голове? Он пока скрывается от меня, убе-гает, когда я с факелом брожу по тоннелям, стены которых исписаны строками истории и боли. Ждёт, теребя в руках смертельную обиду на меня, будто забытый, никому не нуж-ный ребёнок, который наконец возмужал, окреп и готов к ме-сти. Он придёт, но придёт не ко мне. Он придёт за мной.

Оранжевый диск солнца вываливается не прямо из-за го-ризонта, рисуя дорожку на волнах, но откуда-то чуть повы-ше, из-за далёких облаков. Бар утром – это жалкое зрелище после непрерывного грохота музыки, потоков пива и дру-гого алкоголя и сотен случайных посетителей. Липкий пол, по которому кое-где разбросаны осколки разбитых в пья-ном угаре бокалов и ошмётки салфеток, уставшие лица пер-сонала, уже не пытающиеся казаться милыми и приветли-выми, и писк, бесконечный писк в ушах. После включения света остаются лишь немногие, то ли просвещённые, то ли прокажённые. Кто-то не хочет уходить и продолжает петь какие-то свои песни, танцевать под какие-то свои мелодии, пить из пустых стаканов или слился поцелуем с подругой. А кому-то просто некуда и незачем идти, и в последнее вре-мя я начал задумываться: существует ли вообще какая-то принципиальная разница между первыми и вторыми, или

это всего лишь разные стороны одного и того же одиночества?

Конец игры

Я бреду по рекам асфальтовых дорожек и парковок у домов навстречу своей судьбе. Серое небо исколото торчащими из крыш антеннами и разодрано проводами между многоэтажками. В воздухе пахнет осенью, хотя до неё вроде бы ещё очень и очень далеко. По крайней мере, раньше этот период последнего месяца лета казался бесконечным, но с возрастом время меняет свой размеренный шаг на нервный бег, поэтому жизнь становится обыденной: изо дня в день одно и то же, и они, каждый из них, каждый этот проклятый день, сливаются в какой-то единый День Сурка, разбавленный алкоголем, сексом и редкими короткими приключениями, вроде спасения совёнка из цепких лап смертельно агрессивных ворон, или двухнедельным странным путешествием в колыбель цивилизации, совершенно неожиданным и от того ещё более прекрасным.

Я сидел, ждал её на полосатой скамейке, наблюдая, как дети бегают за голубями, и выкуривая очередную сигарету. Раньше на тот же период времени мне хватало половины пачки, но теперь блок из десяти кончается за неделю. Я слишком много курю, слишком много пью и слишком мало сплю, и никаких оправданий вроде «ну, от меня же ушла жена» этому нет, потому что мой образ жизни опустившегося на дно человека действительно такой. Я сам это отлично понимаю.

Только вот сделать с собой ничего не могу, будто из меня наружу рвётся кто-то другой, и только эти три вещи – наркотик, депрессант и бессонница – могут его сдерживать. Хотя бы на время, на то время, пока немой вопрос повис в воздухе между нами и никакого решения ещё нет. По крайней мере, я его ещё не нашёл и отчаянно отказывался воспринимать намёки друзей. Бывших друзей.

Она пришла, ёжась от холода, в тонкой шерстяной кофте, которые я всегда ненавидел. Подобная одежда всегда напоминала мне о вязаных свитерах матери или бабушки, которые меня заставляли напяливать в школу, и они беспощадно кололись, и приходилось постоянно чесаться, будто у меня какие-нибудь блохи. Или вроде того. Да и друзья награждали меня смешками, мол, на нормальную одежду денег не хватает. Может, тогда и не хватало, но теперь их вдоволь – толстые пачки зеленоватых купюр американской мечты давно лежали на полке в шкафу, а чёрно-серебряная узорчатая карточка Visa Platinum позволяла купить любую брендовую шмотку, и далеко не одну за раз. Но нет, отчего-то эти вечно растянутые шерстяные кофты были её фетишем. Впрочем, у всех свои фетиши. Я – не исключение.

– Дай мне руку.

– Покажи, что там. – Я боялся увидеть что-то, связанное с нами. Помолвочное или обручальное кольцо, подаренную десяток лет назад подвеску в виде сердечка или ту, годовщинную. Серьги, в конце концов. Но в её ладони, которая

когда-то, очень давно, сотни раз нежно касалась моей щеки, лежала серебряная цепочка с крестом. И вдруг в памяти вспыхнула другая картина, совершенно не связанная с ней самой, но с отчаянной попыткой её вернуть.

...

– У меня есть к тебе странный вопрос. – Мы спрятались в переулок, уходящий от набережных ночных клубов и баров с той, которая впервые за долгое время зацепила. Через несколько часов меня заберёт автобус, провезёт по извилистым дорогам этого острова-колыбели до аэропорта, и я её больше никогда не увижу.

– Валяй.

– У тебя когда-нибудь бывало такое, что ты понимала, что должна совершить какой-то поступок, который покажется остальным очень глупым и непонятным, но ты-то знала, что должна совершить его?

– Какая разница, что подумают остальные. Если считаешь, что что-то должен сделать – делай.

Я попытался было снять с шеи цепочку, но бутылка холодного чая в руке мешалась. Она вроде бы уже поняла и внимательно наблюдала за моими действиями с полуоткрытым ртом и удивлённым выражением лица и глаз, будто не веря и не понимая, как те самые «остальные».

– Подержи бутылку.

Замок цепочки поддался, той самой цепочки, за которой

я ездил в разгаре очередной ссоры зимой, не говоря, куда я собираюсь и когда вернусь. У неё порвалась (ну как порвалась. Я сам порвал её в порыве ночной, спрятанной от других страсти.) её цепочка, а у меня – моя. И вот они, отремонтированные, ждут меня в ломбарде, но из-за какой-то очередной мелочи между нами выросла холодная каменная стена непонимания, и, похоже, именно в тот момент она вдруг испугалась, что однажды я уйду во мрак и уже не вернусь прежним. Но при этом она даже не пыталась меня удержать или остановить. Нет-нет, ей это не нужно было уже тогда. Уже тогда она понимала, что рано или поздно это случится. Кто-то из нас уйдёт и больше не вернётся, навеки искалеченный. Я тогда вернулся.

– Знаешь, как говорят: «Если хочешь что-то обрести, то нужно сначала что-то отдать». Или вроде того. Этот Стрелец был со мной почти 15 лет. Если увидимся ещё – отдашь. – И в тот момент я чётко осознавал, что мы больше не увидимся, и мою первую книгу ей передаст тот, кому я завещаю это сделать. Но реальность намного изощрённее и хитрее меня...

Ещё яркое, недавнее воспоминание погасло, и я опять вдыхаю затхлый подмосковный воздух и плююсь в бледные краски унылого августа. Теперь она, попросив не перебивать её и ничего не отвечать (а я был настолько потрясён, что и не собирался), что-то мне говорит. Я смотрю на лежащие

в ладони цепочку с крестиком и не верю в то, насколько до-тошна бывает Вселенная в исполнении желаний. Бесчисленное количество раз за эти месяцы я обращался к млечной бездне, предлагая что угодно взамен, лишь бы она вернула мне мою старую жизнь, ну или, на худой конец, показала мне путь к новой. Но эта беспощадная сука взрывами комет в атмосфере под мой монотонный шёпот «верни её» на самом деле давала понять, что этого никогда не случится. И теперь, вместо тех вещей, что были со мной десятки лет, я получаю в ответ какой-то несчастный христианский символ и слышу какие-то слова, что когда-то ей помогло и мне поможет. Если ты, Бог, есть и если вдруг читаешь эти строки, то знай: однажды мы встретимся и ты за многое мне ответишь.

Она что-то говорила, вроде бы про того самого Бога, про веру, про гордость, про благодарность, про силу, про слабость, про «подумай о бабушке», но это потеряло всякий смысл. Я думал обо всём этом бесчисленное количество раз, я ждал этого монолога, я знал, что он произойдёт, я знал, что никакие мои слова и действия её уже не вернут, только не переставал надеяться. Я всё знал. Я знал всё.

И тут вдруг надежда умерла. Её просто больше не стало. Ни её, ни любви, ни веры. Я боковым зрением наблюдал, как она встала со скамейки, забрала их с собой и ушла от меня в последний раз, не оборачиваясь.

Кислорода предательски не хватает, а сердце слишком тя-

жело бьётся в груди. Я буквально чувствую, как оно яростно расталкивает остальные органы, пытаюсь освободить место для очередных судорожных ударов. Трясущимися руками я несколько минут пытаюсь попасть ключом в замочную скважину, и пёс за дверью уже сомневается, его ли это хозяин вернулся с прогулки, в которую отказался его брать. Он заливается лаем и грозно порыкивает. Пусть он не самой большой, злобной и сильной породы, но, если придётся – он будет готов вцепиться острыми клыками в глотку и не отпускать, пока сопротивление не будет полностью подавлено, и после поединка останется только чьё-то бездыханное тело да растёкшаяся под ним лужа крови – его или его противника.

Ключи выскользывают из трясущихся рук и с гулким звяканьем в пустом коридоре падают на кафельный пол. Пёс за стенкой затих. Выругавшись, я наклоняюсь за ними. Снова раздался треск лампы. Освещение на мгновение погасло, и в следующий миг напротив меня стоял кто-то, не настолько призрачный и бесформенный, как мои демоны, но очень даже живой, материальный и настоящий: потрёпанные кеды, изодранные концы шнурков выглядывают из-под слегка грязных штанин джинсов и спадают на пол. Я в ужасе отшатнулся, сам упал на пол, открыл рот в немом крике и уставился туда, где ещё секунду назад стоял кто-то. Но там было пусто, лишь в отвратительно-тёплом свете лампы плавали облачка взметённой мной пыли. Чёртово воображение опять играет со мной в свои больные игры.

Адреналин ударил в мозг, и колотилось уже не только сердце – зеленоватые вены на руках напряглись и подступили прямо к тонкой коже, нервно пульсировали. За ними судорогой свело все мышцы, руки уже не тряслись, но стали деревянными, негнущимися и очень тяжёлыми. Я подполз на коленках к ключам, быстро схватил их, резким движением с первого раза вставил в замок. Шок и прилив сил были настолько сильными, что на секунду мне показалось, будто ключ вошёл в щель не той стороной и повреждённый замок придётся менять. Ключ не поворачивался, как сильно я ни давил, и в конце концов, после очередной попытки, в побелевших от напряжения пальцах осталась только головка ключа, а его основание торчало в замке. В приступе злости я ударил по дверной ручке и, на удивление, она поддалась, и дверь открылась, и только в этот момент я вспомнил, что не закрывал дверь на замок.

Пёс забился в самый дальний угол комнаты, истерически скулил, подвывал и трясся от страха. Я сам начинал проникаться его страхом, пытаюсь осознать, что происходит с ним, со мной, с моей жизнью, со всей этой грёбаной вселенной. Она рассыпается. За окном, за вечно закрытыми жалюзи – тьма. Позади меня – тоже, будто дверь моей квартиры ведёт теперь не в идиотский круглый коридор, в котором хоть кругами марафон бегай, но куда-то в пустоту. Нужно умыться. Нужно прийти в себя, взять себя в руки и осмыслить всё происходящее. Холодный металл оставшихся целыми ключей

впивался в руку, тяжёлое серебро цепочки и креста – в другую, а кольцо на безымянном пальце пылало огнём и жгло кожу.

Даже не разуваясь, я прошёл в ванную, зажёл тусклый свет над зеркалом (всё никак не поменяю блок питания на более мощный) и посмотрел на своё отражение. Моё лицо выглядело каким-то чужим, постаревшим на десяток лет. Сальные волосы торчали в разные стороны, по лбу бежал ручеек холодного пота, огибая ранние проступившие морщины, скулы выпирали из-за сжатых до боли в зубах челюстей, синяки висели под опухшими глазами, зрачки были расширены от ужаса настолько, что радужной оболочки почти не было видно, нижняя губа слегка дёргалась в уголке рта. Умыться. Нужно умыться. Я вывернул кран холодной воды до упора, набрал в ладони ледяной жидкости, наклонился и ударил ею в лицо. Ещё раз, и другой. Вода освежала, приводила в сознание и чувства, ласкала холодом.

Я выпрямился и снова взгляделся в зеркало. С другой стороны на меня смотрело моё лицо, только оно расплылось в злобной безумной улыбке, обнажая слегка кривоватые, желтушные зубы. Глаза сверкали, в их уголках появились морщины, а лоб, наоборот, разгладился. Стоило моргнуть – и на себя снова смотрю я. Но Я же, только другой, тот самый, из отражения, стоит немного позади, опершись о стену рядом с ванной, скрестив руки в замок, с чуть наклонённой головой, с лёгкой ухмылкой, наблюдающий за всем проис-

ходящим. Когда, когда моё воображение перестанет играть со мной в эти большие игры?

– Ты уже понимал, что я приду за тобой. – Собственный голос звучал не где-то внутри меня, а со стороны, как с диктофонной записи. Он был какой-то другой, какой-то чужой, но мой в то же время, и от этого ощущения мурашки побежали по коже.

– Кто ты?

– Я – это тот, кто займет твоё место, когда игра закончится.

– Я не позволю тебе. – Я сжал кулаки, готовый броситься на него, хотя даже не знал, кто он. В любом случае всё, выходящее из моей обезумевшей головы, стоит сразу же уничтожать, иначе будет хуже. Я думал об оружии, но почему-то оно не появлялось в моих руках, что странно: в моём сознании (а мы точно в моём сознании, пусть оно и так похоже на реальность) я всегда мог сделать что угодно и с кем угодно.

– Да неужели? Ну тогда попробуй мне помешать.

Я ринулся на него, но мигом очутился в тёмной комнате, в центре которой стоял дубовый круглый стол, а вокруг него сидело с десятков фигур. Они держали руки на столе, рядом с россыпями игл на любой вкус: тонкими и толстыми, длинными и короткими, прямыми и волнообразными. Их лица были надёжно спрятаны длинными капюшонами от света нависающей над центром стола лампы. В центре лежало освещённое тельце младенца. Его глаза были плотно

закрыты, будто он ещё не мог разлепить век (хотя людские детёныши, в отличие от животных, видят сразу после рождения), из полуоткрытого рта вырывалось хриплое дыхание попеременно с тяжёлыми стонами. Его непропорционально маленькие, но толстые ручки и ножки были все в синяках, кровоподтёках и с торчащими из них иглами. Даже из туловища торчали иглы. Он был весь истерзан болью, и непонятно, как до сих пор оставался жив.

Кто-то взял в руку игральный кубик – не обычный, с 6-ю гранями, а с куда большим количеством, и вместо точек, обозначающих выпавшее число, на гранях было что-то написано на каком-то неизвестном мне языке. Он или она – не разобрать, ведь даже руки были плотно скрыты грубыми кожаными перчатками, заползающими в рукава чёрного балахона – немного покрутил его в руке и бросил на стол. Кубик закувыркался, а тельце ребёнка содрогнулось, будто он понимал на уровне рефлексов, что последует за этим действием. Кубик остановился, и фигура, бросившая его, повернулась к другой и произнесла равнодушным женским голосом: «Твой ход». Видимо, с помощью этого кубика, количество граней которого, должно быть, совпадало с числом игроков, они передавали ходы в какой-то безумной извращённой игре, правил которой я определённо не хочу знать.

Тот, другой, стал перебирать в руках иглы, пока не выбрал одну, а затем стал разглядывать тельце, видимо, думая, куда загнать её: под ногти, между рёбер или проткнуть насквозь

ладошку. Наконец он заговорил:

– Пожалуй, я приеду к нему, чего я никогда не делал, и скажу, что всегда думал, будто ему хорошо без неё, поэтому...

Раздался настойчивый стук в скрытую мраком дверь. Фигуры стали удивлённо переглядываться:

– Как он нашёл нас?..

Стук повторился. На этот раз более настойчивый. Почти грохот. После секундного затишья в дверь забарабанили десятки рук. Они били и били, но дубовая дверь пока не поддавалась. Фигуры лишь тупо переглядывались, не понимая, что делать: то ли притвориться, что их здесь нет, то ли сбежать. Но куда сбежать, если это единственный вход и выход? Открывать они точно не собирались. Стук прекратился, но по ту сторону зазвучал приглушенный шёпот нескольких голосов. С диким треском вырывающихся из дерева петель и скрежетом металла ответной планки дверное полотно отлетело и гулко ударило в затылок одного из игроков, по роковой случайности сидящего спиной к двери. Он, оглушённый, уронил голову с уродливой вмятиной на стол и застыл недвижимой бесформенной кучей с растекающейся лужицей крови под расколотым черепом.

Некоторые фигуры резко вскочили со своих мест, роняя стулья на пол. Из дверного проёма в комнату, к темноте которой мои глаза почти привыкли, метнулись десятки огромных хищных зверей. Они окружили игроков (но не меня, меня

они либо игнорировали, либо просто-напросто не видели), порывивая, готовые совершить смертельные удары и прыжки к глоткам этих больных ублюдков, истязующих ни в чём не повинного ребёнка, который с такими ранами уже вряд ли доживёт до рассвета следующего дня.

После зверей в комнату вошёл он (или я?) в сопровождении парящих в воздухе фигур в таких же балахонах, как на игроках, но изодранных. Я вдруг подумал, что, возможно, эти следующие за мной по пятам призраки и есть игроки, закончившие игру? Только вот чем, победой или поражением? Его лицо не было скрыто маской или низким капюшоном, поэтому я отчётливо видел ехидную улыбку и взгляд, которым он задумчиво и одновременно триумфально обводил содержимое комнаты, будто он очень давно искал её в каком-то лабиринте и наконец нашёл.

Нужно поскорее отсюда убраться. Но я не могу побороть даже одного демона и даже на своей территории, что уж говорить о целой толпе и чёрт знает где. В комнате повисло тяжёлое молчание, и я, стараясь не дышать, чтобы не привлечь к себе внимание, стал медленно передвигаться к выходу. Как только я смог выглянуть в ярко освещённый бесконечный коридор, со множеством дверей – некоторые были заперты, другие открыты, а третьи, как эта – выбиты, он едва слышно произнёс команду «убить» и повернулся ко мне:

– Куда же ты уходишь, сейчас начнётся самое веселье!

Неистовая сила ударила меня в грудь так, что рёбра упёр-

лись в лёгкие, и с мерзким свистом весь находящийся в них затхлый воздух выдавило наружу. Я пролетел через всю комнату, ударился спиной о стену с противоположной стороны от дверного проёма и остался на ней висеть, поддерживаемый этой невидимой силой. Неужели некоторые из моих демонов – невидимые? Или моё второе Я обладает способностью телекинеза? Я пытался закрыть глаза, но мне это не удавалось. Время замедлилось, оно растягивалось, и между каждым ударом сердца проходила целая жизнь. Я видел, как огромные дикие кошки изящно прогибались перед прыжком, а их бессильные жертвы в испуге пытались закрыться от них руками. Мышцы мощных лап напряглись, и хищники в долгом прыжке-полёте раскрывали пасти и обнажали клыки. Одни валили своих жертв на пол, раздирали им глотки, и алая кровь фонтанами била из разрезанных острыми как бритвы когтями артерий. Другие играючи взмахивали лапами и царапали балахоны, те лохмотьями свисали и обнажали глубокие порезы на телах. Третьи – бешеные псы – валили людей на пол и драли их конечности, крепко вцепившись в сладкую плоть. Живот скрутило болью, и во рту чувствовался тошнотный привкус желудочных соков.

Мясорубка заняла каких-то несколько секунд – демонов было слишком много, и от игроков остались лишь недвижные туши. Ещё пара минут кровавого пиршества – и на полу валялись только ошмётки одежд и обглоданные кости. Кош-

ки хищно смотрели на своего господина, и из их оскаленных пастей, издающих грозные рыки, капала на пол кровь вперемешку с вязкими слюнями, кусочками мяса и недожёванных хрящей. Всё это время он не спускал глаз с лежащего на столе, в центре этой казни, нетронутого ребёнка. Младенец продолжал сипло дышать, шевеля ручками, цепляясь за воздух.

Некоторые из мантий убитых игроков зашевелились, начали как бы надуваться изнутри, приобретать формы людей. Они опёрлись на руки, поднялись на колени, затем встали, наконец оторвались от земли и зависли на высоте сантиметров двадцати-тридцати от пола. Он окинул их взглядом и приветственно кивнул, затем вновь уставился на младенца. Прозвучала следующая команда: «Заберите». Новые демоны подплыли к столу, один из них склонился над беспомощным тельцем, аккуратно поднял его на руки и прижал к себе. Ребёнок не плакал. Казалось, он наконец-то спокойно уснул. И демон, понимая это, легонько покачивал его в своих руках. Звери направились к выходу, за ними проплыли фигуры в балахонах, и, наконец, он, устроивший всё это, последний раз глянул на хаос, затем – мрачно – на меня, подошёл к столу, забрал кубик, развернулся и вышел. Сила, держащая меня на стене, мгновенно исчезла, я рухнул в лужу чьей-то ещё тёплой крови и, на удивление, мгновенно провалился в сон.

– Просыпайся. – Он заставил меня очнуться. Мы снова очутились в тесной ванной комнате моей квартиры. Он сто-

ял один, без своей свиты, внимательно, изучающе смотрел на меня и крутил в руке тот самый игральный кубик.

– Кто были все эти люди?

– Кто сказал, что это были люди? – Он хмыкнул.

– Зачем ты прервал эту игру? – Хотя, знай я правду, я бы и сам сделал то же самое.

– Потому что у тебя на это не хватало смелости, и она зашла слишком далеко, почти дошла до финала. Ну, для тебя она точно дошла до финала. Эта игра перестала быть про твою любовь, чувства, одиночество или что-либо ещё. Эта игра стала вопросом жизни и смерти, вопросом выживания. И, как ты сам сказал, «смерть – это не подвиг». Поэтому ты, – он сжал кубик в руке и стал тыкать в меня пальцем, – ты остался лежать где-то там, на холодном асфальте, с разбитой головой, изломанными костями и в луже собственной крови и испражнений. – Перед глазами мелькнула картина накрытого чёрной непрозрачной целлофановой плёнкой тела, толпы зевак вокруг, наряда полиции, скорой помощи и нескольких людей в белых халатах.

– И дальше что?

– Ты задаёшь слишком много вопросов, ты не находишь?

– Отвечай мне! – Я ударил кулаком по фаянсовой раковине и отколол от неё небольшой кусочек, порезавший мне ребро ладони, но резкой боли в онемевшей плоти не было. Все чувства будто испарились. Он снова хмыкнул:

– В этой жизни всё может тебя предать. Даже твои соб-

ственные мысли. Я не твоя фантазия, и я тебе не подчиняюсь. Это ты теперь подчиняешься мне.

– С какой стати?

Мой вопрос остался без ответа. Он ловко подкинул кубик в руке и так же ловко его поймал. Комната начала увеличиваться, он будто отдалялся от меня, а затем между нами повис осязаемый прозрачный барьер. Я не видел преграду, но ясно понимал, что я её не преодолею. И я отчётливо видел, как всё окружающее – неровно уложенная кафельная плитка, ванна, кривая вешалка с бельём – плавится и стекает кляксами на пол, будто акварельные краски полили водой, и они каплями сползают по белому листу бумаги, только в данном случае лист был чёрным и скрывал за собой толстые прутья клетки в одном из подземелий моей цитадели. Наконец былая картинка исчезла совсем, просочилась сквозь трещины в каменном полу, и я оказался заперт в тюрьме, которую построил сам. Вокруг меня вновь сидели хищные звери и безмолвно парили безликие демоны. Мы снова были по разные стороны решётки, только вот теперь они были снаружи этой тюрьмы, а я сам – оказался внутри.

– Мы не в каком-то идиотском фильме, и я не главный злодей, который будет долго и упорно распинаться о том, как он к этому пришёл, и о своих дальнейших планах, пока ты, как протагонист, коим себя считаешь, придумаешь план, как выпутаться из этой ситуации. Если б ты кормил своих демонов получше, быть может, они были бы на твоей сторо-

не, а не на моей. Но уже поздно, так что добро пожаловать в тюрьму, которую ты сам себе построил.

Я уже понимал, что останусь здесь надолго, если не навсегда, и бесполезно просить его выпустить меня, или что-то в этом роде. Я сам построил эту тюрьму, и строил я её так, чтобы не знать из неё выхода. На полу лежал листок бумаги, тот самый, который я положил сюда несколько месяцев назад, выпуская на волю демонов. Время показало – это было ошибкой, но ещё большей ошибкой было бы держать их здесь и дальше. Теперь я сам оказался демоном или превращусь в него в ближайшее время. Единственная просьба сама вырвалась из меня:

– Позаботься о Джоне. – Его лицо снова исказилось в гримасе улыбки. Понятно, почему я редко улыбаюсь – моя улыбка скорее похожа на злобный оскал.

– Не переживай, с ним всё будет хорошо. Он не останется без моего внимания.

– Этого-то я и боюсь.

Он не ответил, развернулся и направился к выходу, но запнулся. Он сам себе противоречил. Он совершенно точно хотел что-то мне сказать, хотя бы напоследок. Хотел, чтобы диалог вышел к какой-то мысли, к какой-то идее, которую он почему-то должен озвучить. Он замешкался, опустил голову, затем полуповернулся ко мне:

– Ты когда-нибудь задумывался, кто строил твою крепость? Ведь не ты сам. Ты видел этих людей, но людьми их

никогда не считал. И откуда взялись ресурсы на такую монументальную постройку? – Нарочито киношная пауза и сиплый голос, переполненный болью, сходящий на шёпот: – Если б ты только знал, ЧТО ты сотворил с этим миром, если б ты только знал...

Он вытянул перед собой руку, демонстрируя мне сжатую в кулак ладонь. Он стал тереть пальцами, и из кулака посыпалась пыль. Он разжал его, и на пол быстро, но легко упали смятые остатки игрального кубика. Затем он поманил демонов за собой и, уходя, бросил мне, прощаясь:

– Игры кончились.

Перерождение

Первое утро (ну как утро – часы на телефоне показывали то ли час, то ли два дня, но я всё ещё лежал полуголый в постели) осени встретило меня холодным сообщением: «Привет, я бы хотела сходить с тобой подать заявление на развод». День знаний, день ответов. Что странно, эта фраза не вызвала во мне никаких эмоций, хотя должна была бы. Наверное, перегорел, сломался, издох. Возможно, больно будет потом. Или вообще уже не будет. Я просто прочитал послание и лёг отсыпаться дальше после бурной ночи. В какой момент стало понятно, в какой момент стало всё равно?

В тот, когда моё отражение заняло моё место, а я остался заперт в клетке, incapable ни на что повлиять, но способный воспринимать всё происходящее со мной, и не через мутные заляпанные стёкла окон балкона моей квартиры, но кристально ясно, во всех цветах, красках и ощущениях? Или пока я сидел на скамейке в сером пустом городе, ошеломлённый? Или даже раньше, когда мы расположились с подругой в ночи на крыльце малюсенького домика, пили ром-колу, глядели на звёзды, и я спрашивал... Нет, утверждал: «Ты же прекрасно знаешь, что она уже всё решила». – «Да, она уже всё для себя решила». А потом та же подруга на мои одинокие ночные истерики отвечала убаюкивающе-сладкой ложью.

Когда я понял, что всё закончилось, не успев толком начаться?

Хоть эта фраза и преследовала меня весь день, я старался держать хорошую мину при плохой игре, а она, моя спутница, что удивительно, в какой бы глубокой заднице не было моё настроение и мои мысли, каким-то неведомым и непонятным мне образом вытаскивала их наружу, преображала и заставляла меня улыбаться. Не понимаю, как у неё это получается. Раньше это казалось мне невыносимым, потому что та, предыдущая (или, как принято говорить, «бывшая». В употреблении.), как ни старалась, если старалась вообще (и это весьма важная оговорка), никогда не могла вытащить меня за шкуру из бездны. А теперешней спутнице удаётся это как-то играючи, даже не напрягаясь.

Целый день я крутил пальцами обжигающе бесполезное кольцо на пальце. Зачем носить его дальше и ловить недоумённые взгляды официантов и барменов, выслушивать вопросы «А где твоя жена?», если та, чьё оно, с кем мы его выбирали, и кто надела его на меня много лет назад, уже давно не со мной, не моя. И давно всё решила за меня, за нас обоих, наплевав на моё мнение, мои чувства, моё восприятие ситуации. Ей было плевать. Она не спрашивала, она не пыталась разобраться. Она просто однажды утром собрала вещи и ушла. Сама, в одиночку, пытаясь прихватить с собой всё, абсолютно всё самое дорогое для меня в тот момент, оставив мне лишь крохи былой жизни. Так почему я должен продол-

жать бороться, если это никому не нужно? Уже даже мне. Тому мне, в кого я превратился за эти месяцы.

– У меня есть просьба... – Я сам ужаснулся замогильности моего голоса.

– Какая? – Испуганно спросила она.

– Сними кольцо. – Я протянул правую кисть к ней. Со стороны может показаться глупо, ведь чего стоит просто взять и стянуть его с пальца (я зачем-то умел делать это скрытно, в кармане, только по назначению использовать этот навык ни разу не пришлось), но для меня это до сих пор имело сакральный смысл. Ведь не я надел это кольцо однажды и навсегда, и не мне его снимать. Тоже «навсегда».

И не она должна была снять его в моих мечтах (его вообще никто не должен был снимать), но мои мечты – это ёбаный миф. Они никогда не сбывались и не сбудутся, и пора бы перестать мечтать и представлять в своей голове какие-то невероятные картины красивого и хорошего будущего, а потом лежать на пирсе и умолять вселенную в моменты падающих под шум волн звёзд показать мне путь к этим мечтам. Мечты рассыпались прахом. Остались лишь сны, лишь сны в этой жизни мне не врут. Иногда только запутывают, похмельным утром после пьяной ночи, но им можно это простить. Ведь они – просто сны.

– О господи, Артём, ты меня так испугал. Оно что, не снимается? – Конечно, для неё это мелочь, и нет смысла её в этом винить, упрекать, вешать ярлыки вроде «никогда

столько и так не любила, вот и не понимает». Мы сами себе судьи и сами себе палачи. Так что, кто считает нужным – сам себя накажет, а я никого судить не собираюсь и надеюсь (напрасно) не быть судимым.

Она прикоснулась ко мне и опытно стала крутить по часовой стрелке (или против – какая разница?) кольцо, плавно продвигая его к фаланге, пытаюсь не сделать мне больно. Хотя, куда уж больше – усмехнулся я. Спустя несколько оборотов кольцо соскользнуло с моего пальца, оставляя за собой полоску белой, словно отполированной, незагорелой кожи, и оказалось в её ладони. Она передала его мне. Сразу же, будто заразное, я отбросил его на стол, и мы вместе ушли в долгую ночь. Она беспечная и даже не подозревающая, что я наконец-то стал свободным, ничьим, и другим. Совсем другим. А я... А что я?..

– Ты хорошо целуешься? – спросила она в какой-то полупьяный момент в самом разгаре марш-броска по барам, прикусывая в истоме нижнюю губу. Я потерялся что ответить, как прыщавый подросток. Хоть мне скоро и пойдёт четвёртый десяток – я остался ребёнком, пропустившим юность, потратившим её на кого-то, кому она оказалась совершенно не нужна. Нет, нужна, но для своих меркантильных целей, в которые я сам не входил, и, самое поганое – я об этом знал. Но ничего не делал.

Она не заметила мгновенную заминку, пока мой разум распечатывал давно забытые и заброшенные, покрытые ве-

ковой пылью архивы флирта. Да и уже не важно, что я ответил (нечто вроде «пока никто не жаловался»), в мозгу так и пульсировала фраза «вот оно, вот оно». Вот оно... что? На что я надеюсь? Я знаю, ради кого и чего она здесь, и пускай она зачем-то позвала меня с собой, тем самым спасая от окончания моей истории, но явно не затем... Не «затем» зачем?... Вопросы сводили с ума кликами приставучих чаек, увидевших в твоих руках пакетик чипсов, а мировая паутина ответов не давала.

Вначале я думал, что она сумасшедшая. Серьёзно, я даже специально подобрал слово, хоть долго думать и не пришлось – «неадекватная». Но это неправильное слово, нет-нет. Разве что только с первого впечатления. С бара в аэропорту, где я слушал её бредни и проклинал себя за минутную слабость согласия полететь в третий, и последний раз (в этом году), на остров Колыбели. Проклинал и размышлял, пропуская мимо ушей её невменяемые фразы, как бы избавиться себя от этого.

Но после она оказалась «невероятной», и не понимаю, как у неё это получается. Чуть полноватые, хомячьи щёчки, туповатая улыбка с маленькими зубками, крашенные в ядовито-розовый (но давно) волосы, неблизкая к идеалу фигура и совершенно идиотская манера одеваться в какие-то платья, похожие на лохмотья, только ярких цветов. Чем-то всё-таки зацепила так, что хотелось пополнить свою коллекцию

странных девушек ещё одним экземпляром.

Глаза. Глазами зацепила. Этими маленькими, неуловимо блестящими, бегающими стеклянными шариками. Иногда, в моменты адекватности, из них прорывались цвет и глубина, которых я не понимал. С ними что-то не так. Я всегда мог понять, что у человека на душе (ну, почти всегда) лишь взглянув в его глаза, но в этот раз я просто теряюсь. Они были настолько глубоки, настолько выразительны и настолько неизведанны, что я готов был бы в них утонуть, готов был бы влюбиться без памяти, если бы это чувство не было забыто новым мной. Оно возникнет только тогда, когда понадобится кому-то другому, и только когда я буду точно уверен, что мне вновь не причинят боль. Хватит с меня невзаимности, хватит с меня игр не по моим правилам. Теперь всё будет просто – 1 или 0.

Она танцует неподалёку от меня, а я сижу за барной стойкой, потягиваю виски и пялюсь в противоположную сторону бара, но лишь затем, чтобы наблюдать за ней в зеркале размером со всю стену. Она покачивается в такт музыке, извивается, шепчет губами слова песен, накрыв глаза веками в экстазе. Я устал сидеть (десятая порция виски за вечер уже не влезает) и привстаю. Она замечает это и передвигается ближе ко мне, и пока она танцует (вот извивается рядом со мной она крайне умело), я вдыхаю аромат её волос, кутаюсь в них. Я слегка приобнимаю её за талию, и в следующий момент, сопровождаемый вспышкой разряда тока,

пробежавшего по моему телу, мы уже в другом баре, опустевшем и закрывающемся, кружим в объятиях друг друга финальный медленный танец под Eagles – Hotel California, а в моём мозгу проскакивает мысль, что её парень, работающий мойщиком посуды в этом самом баре, где-то за стойкой намыливает последние липкие бокалы.

Картинка реальности вздрогнула и попыталась было рассыпаться, но удержалась перед внутренним взором. Воспоминание не пришло. Они замещаются, они уходят, они отпускают меня, они остались заперты в клетке с тем, другим мной, который больше пяти лет назад точно так же обнимал другую и иногда поддерживал её за спину, пока она откидывалась назад, чтобы похвастаться своими длинными, наращёнными накануне волосами. Ну а моя избранница в тот момент одиноко сидела за далёким столиком и потягивала свой коктейль (что она пила? Кажется, «Пина Колада» или «Текила Санрайз»). Пускай, она должна была поделиться мной со своей подружкой, которую, и именно которую я звал сюда присоединиться ко мне.

Под утро мы шли в апартаменты, шатаясь на всю ширину дороги, рискуя попасть под колёса автобусов, забирающих отгулявших своё туристов из отелей. Я, конечно же, драматизирую, ведь местные водители привыкли к подобным пьяным парочкам и деликатно притормаживали перед нами.

В какой-то момент, то ли из-за её толчков, то ли из-за её безудержного смеха, перемешанного с лёгким кашлем,

я уронил стаканчик, и виски разлился по асфальту. Впрочем, пить виски из пластикового стаканчика – тот ещё идиотизм (куда правильней пить виски прямо из бутылки), так что, может, оно и к лучшему. Буквально на мгновение ей стало стыдно, и она извинилась, но это мгновение прошло, как и все её чувства, которые вереницей сменяют друг друга за секунды: только что она тебя ненавидела, только что ты её бесил, а теперь ты самый лучший и смешной. Как в старой песне 5diez: «Ты смеёшься, потом рыдаешь в истерике. Сначала даришь мечты, потом бьёшь все их вдребезги». И у меня то же самое: то хочется придушить её к чёртовой матери, то прожить рядом с ней, или хотя бы думая о ней, всю жизнь. Что это? Может, это та самая любовь, а то, что было до неё – лишь притворство? Нет, бред. Этого не может быть. Любовь не такая.

Любовь – та ещё стерва. Она сначала приласкает тебя, вонзит в тебя свои смазанные ядом когти очень глубоко, но ты, накрытый приходом от наркотика, этого даже не почувствуешь. Потом она напьётся твоей крови, высосет из тебя все соки и отбросит прочь твоё обмякшее, но не мёртвое тело. Ты очнёшься спустя день, неделю, месяц, год, десяток лет или целую жизнь, но всё-таки однажды очнёшься. В жуткой ломке, готовый на всё, лишь бы боль сменилась тёплой истомой. Любовь – это слишком свирепое чувство и необузданная сила, чтобы по собственной воле впускать её в себя. И тогда назревает вопрос: какие из эмоций, которые я испы-

тывал за свою жизнь к разным девушкам, какие из них – любовь, и почему это вдруг стало важно для меня именно сейчас?

Мы ввалились в тёмный номер. Я должен вставить карточку-ключ в специальное гнездо (понятия не имею, как оно называется), чтобы загорелся свет, но это как-то очень быстро отошло на второй план, ведь моих губ, после короткой, гулкой и напряжённой паузы, коснулись её губы. Или наоборот – это мои губы коснулись её губ. Какая разница? Это всё вмиг стало неважным, все прожитые годы вдруг померкли и исчезли, будто коллапсирующая в чёрную дыру после взрыва сверхновой звезда. Важным стало лишь это ощущение. Чего-то нового, другого, непохожего на всё, что было прежде. Мы самозабвенно и пьяно целовались, и её распущенные волосы так и лезли в изголодавшиеся по поцелуям рты. Я приобнял её, прижал к стене, будто боясь, что она вырвется, и не мог от неё оторваться.

Этот вкус, он совершенно другой. Не хуже и не лучше, просто другой. Новый. И я никак не мог им насытиться. Мои руки уже залезли под футболку, скользили по изгибам её спины, а она, кажется, запустила свои ладони в мои волосы на затылке и прижимала меня к себе, а никак не отталкивала. Мои поцелуи стали опускаться ниже, сначала к шее, потом к груди, и дальше по её, ставшему великолепным и стройным после лошадиной дозы алкоголя, телу...

Светало. Она убежала в туалет, а я пытался найти свои трусы в дорожке из одежды, которую мы срывали друг с друга по пути к постели. Я вышел на балкон и закурил. Вскоре она присоединилась ко мне, сначала нагая, но потом прикрываясь спереди маленьким полотенцем, и положила голову на моё плечо, любуясь алым диском солнца и рассветной дорожкой, проложенной им по морю. Я завёл свободную руку за её спину и легонько касался подушечками пальцев её кожи. Она нежнее, намного нежнее. Как же я соскучился по этим ощущениям, как же сильно мне их не хватало.

Мы просто стояли, смотрели, как солнце выкатывается из-за крыш, и разговаривали. Пожалуй, это было намного интимнее, чем всё то, что было до этого в последние пару часов. Не могу отыскать в огромных мрачных залах памяти что-то, хоть отдалённо похожее на эти минуты. Хотя и не очень-то пытался. Гораздо важнее стало жадно впитывать новые эмоции и сохранять новые воспоминания.

Она спит, так мило, беззащитно и доверчиво, как маленький... Барсучонок? Нет... Бурундучок?.. Нет... А, плевать.

Продлись это подольше, она начала бы немного хмуриться и двигать глазами под сомкнутыми веками, но её сон, которым можно любоваться вечно, тревожат. Я равнодушно наблюдал, как она собирается, одевается в разбросанную по полу одежду, старается привести себя в порядок, хлопает дверью и убегает с другим в утро. Я, точно так же рав-

нодушно, покуривая сигарету, смотрел, как они уходят под ручку по пустой, заплёванной улице солнечным утром сонного и умиротворённого после ночного буйства города. Он – наивно веря ей, что крики и стоны, услышанные им, издавала не она, а она... А что она, и какая, к чёрту, разница? Всё происходящее не вызывает во мне никакой обиды, ревности, горечи, злобы, пустоты, одиночества, предательства. Ничего такого. Эти чувства остались заперты в подвалах моей темницы. Там им самое место.

Вечером мы валялись на каменистом пляже. Волны шумно и пенно бились о скалы, небо на востоке переливалось нежными розово-голубыми оттенками, она лежала головой на моём животе и читала мою книгу. Я боялся пошевелиться и дышать как обычно, глубоко и судорожно. Я дышал поверхностно, часто и помалу, лишь бы не спугнуть и не потревожить её. Таких моментов тоже прежде не было. Куда, куда они все подевались? Я чётко осознаю, что из таких вот простых событий и фраз я буду черпать силы ещё много и много лет, как из эпизода, что когда-то давно мне сказали: «Я с тобой до конца, что бы ни случилось». Что-то случилось, что-то катастрофическое, но (до сих пор в это наивно верю), поправимое. Конец настал, и мы его пережили, увы – порознь. Теперь нужно искать новые источники, новые пути, новые цели. Всё теперь по-новому, но не по-плохому и не по-хорошему. Просто по-другому.

Что самое удивительное – рядом с ней, украдкой глядя на неё в отражении стекла балконной двери из-за ослепляющего экрана ноутбука, я мог писать часами и тысячами слов. Я раньше думал, что писать у меня получается только в беспокойном одиночестве, сломленным и разбитым, наедине с бутылкой виски и пачкой сигарет, а оказалось – это не так. Может, это не любовь, может, это – вдохновение? Что тогда такое любовь, что вдохновение, что всё это? Дар или проклятье? Я будто ребёнок, который что-то чувствует впервые, но не понимает, что именно, и объяснить-то тоже некому. Если она – моя муза, то какая: одна-единственная, и нужно цепляться за неё и не отпускать, или одна из многих, и стоит отпустить и смиренно ждать, когда придут другие?

Старая машина, пускай и гордо именуемая «кабриолет», но это только для заманухи туристов, будто старая французская проститутка, кашляет перегаром мне прямо в лицо. Она трясётся, она странно переключает передачи, она неадекватно реагирует на повороты руля и попытки поставить её на сигнализацию. А попробуй я включить ближний свет – вообще начнёт неистово визжать сиреной на всю улицу. Прямая противоположность моей родной, послушной, окружённой заботой японке, каждую деталь которой я знаю как облупленную. Что же, пускай. Стоит иногда сводить и бабушек на прогулку – я же джентльмен, твою мать.

Рядом никого, как и сзади – я абсолютно один в маши-

не. Ни подружки, которую я везу в новые неизвестные места, надеясь на взаимность, ни друга, раздвигающего мне горизонты красоты музыки, ни пса, предвкушающего новые приключения и места. Никто не сопровождает меня в этот путь. Пускай, значит, так нужно. Это не плохо и не хорошо. Просто это так, и ничего с этим сделать я не смог, как ни пытался. Из бесчисленных мириад вселенных, щелчками пальцев переключая их, как каналы в телевизоре, я очутился в той, в которой мчу в полном одиночестве по идеально ровным трассам вдоль буйного моря с одной стороны и вереницей гор – с другой. Лишь вой ветра, треплющий волосы, да рёв изношенного двигателя – мне спутники в этом пути. Но даже если вдруг они исчезнут, обязательно вместе, я просто выйду, хлопну дверью, закурю сигарету и пойду дальше, потому что больше ничто не тянет меня назад, и сотни километров для меня теперь – ни разу не предел. Дорога осталась дорогой. Бесконечность наконец стала бесконечностью.

Бесконечность стала безоблачным небом, бесконечность стала скалами, ради которых я гнал, как обезумевшая собака, две сотни километров... Я, сонный и незавершённый (а я не завершусь, пока не схохну), расплатился с дежурившим на парковке охранником, воткнул свою (снял её на день, но уже считаю своей) машину в свободное место между другими, между десятками других, вышел и вдохнул воздух свободы. Майка пропиталась сигаретным дымом и потом, который градом капает с меня, но это не важно. Это больше

не раздражает и не бесит, потому что, сам того не ожидая, сам тому не веря, в пенных волнах, нежно лижущих песок утопающего в зелени пальм пляжа, в острых обрывах скал, в пересохшем ущельном русле реки, в далёких спокойных горах, покрытых редкими островками жесткого кустарника, излюбленного горными козами, во всём этом пейзаже я вдруг обрёл и нашёл дом. Я дома. Я один, никого нет рядом, чтобы согреть, накормить, утешить и развеселить, как это должно быть дома, но я дома – я точно это знаю.

Я. Дома. Живой. Одинокий. Свободный. И никого рядом. И какое это имеет значение, если вдруг, спустя долгие годы скитаний, я нашёл то место, которому я принадлежу и в котором остался бы навсегда? Меня сюда привели две сотни километров наедине с собой, со своими страхами, проблемами, мыслями, чувствами, другими «я», и ничего из этого больше не вызывает во мне отвращения. Две сотни километров в абсолютном молчании рёва двигателя и шума ветра над головой. Не одна сотня – две. Оказалось, стоило превысить свой предел всего лишь в два раза. Одна сотня – и я почти сдох, сгорбившись спиной, на которой не осталось места для шрамов после очередных ударов ножа, и опустошённый бурей, принёсшей в мир тысячи тонн крупных зёрён лжи, убивших самое дорогое.

Две сотни – и я восстал из пепла, будто феникс. Новый, другой, перерождённый. Я больше не боюсь своих мыслей, чувств, эмоций, мне не стыдно наутро за то, что я говорю

и делаю в пьяном угаре. Если я что-то подумал, сказал, недосказал, сделал или не сделал – значит, так надо. Значит, так нужно было. Может, это и есть свобода?

Не будет больше несбыточных мечтаний и обращений в прошлое с немым вопросом «зачем» в тоскливых глазах, не будет больше ничего – я это знаю. И я знаю, что не дам собой играть, использовать себя в каких-то корыстных целях. Игры кончились, раз и навсегда. Теперь всё должно быть правильно, теперь всё должно быть честно, как бы тиски ни сжимали грудь болью и отчаянием, я должен оставаться собой, я должен хладнокровно смотреть на то, как моя ночная подруга уходит вдаль с другим, одна за другой, одна за другой (но как же хочется, чтобы она осталась со мной навсегда). И нет больше места в моей голове для горестей, печалей и других людей (только для одной, последней, найдётся, наверное). Всё закончилось.

И больше никаких молитв ночной вселенной, холодному злобному мерцанию звёзд. Больше никогда я не выйду в ночи на пирс один, послушать музыку и поговорить с ней. С ней, какой-то, в моей голове и точках далёких раскалённых термоядерных шаров. Она меня не слышит, они меня не слышат, никто по ту сторону мрачной синей бездны меня не слышит. Они никогда не заберут меня к себе, они никогда не исполнят шёпот моих мечтаний, какую бы жертву я им ни приносил. Хватит, хватит обманывать себя и верить им, надеясь, что они знают, что делают. Хватит с меня Веры

и Надежды, пусть останется только Любовь усталым биением сердца и холодом бездонных глаз уходящей в тьму или свет (какая разница, ведь важно «как», а не «куда») подруги. Их было много, но и чувства были разные, и все они ушли, и будут продолжать уходить куда-то, туда, где они были, есть или будут счастливы. Уйдут все. Останусь только я, навсегда и сам с собой. Ну и пусть. Значит, так надо.

Вдруг перед обожжёнными усталыми глазами вновь появилась паутина. Только на этот раз моя нить не упиралась в глухую стену, а утопала где-то в тьме, мраке и пыли будущего. Кое-где маячили сводящиеся к ней другие нити, но я не могу разобрать – пересекаются наши пути или проходят рядом в каких-то плоскостях реальности. В любом случае, это лучше, чем было бы без неё, месяц назад вытащившей меня из прощальных мыслей двадцать пятого этажа лёгкой фразой: «Привет) ну как, есть желание рвануть в последний раз перед закрытием сезона?»». Она где-то там, даже не понимает, что она дала взамен мне. Что-то, что не передать ни словами, ни разбитыми руками. Но и прямо сейчас она где-то там, не со мной, хотя хотела и обещала, а я – здесь. Грустно, ну и пусть. Кому-то так нужно было – ей, мне, ему. Да и к чему я привязываюсь, о чём сожалею? Я должен быть безмерно благодарен и не просить ни капли больше.

Что-то со мной осталось не так, несмотря на состоявшееся перерождение. Я остался сломанным, каким-то отчаян-

но неправильным, таким, что люди, только завидев намёки на эту неправильность, сломя голову убегают от меня. Так и она, вдруг легла на другую кровать, будто я прокажённый. И мне не за что её винить. Я больше не виню ни их всех и каждого, ни себя. Война не закончена, какая-то часть меня осталась сломанной, вот только какая? Почему меня осталось двое (ли?): один хладнокровно и зло смотрит на окружающих, а второй тупо уставился в изодранный листок с рисунком? Мне нужно только понять: что именно со мной не так, какая часть поражена тьмой того, кто жил в слепоте моего тела вместо меня столько лет, найти эту часть и вырезать острым скальпелем кишасщие червями гнойные шмотья мяса. И тогда крылья за спиной очнутя окончательно, раз и навсегда.

Уборка

Москва встречает меня холодным осенним воздухом и караванами банальных, налитых тяжёлым свинцом туч. Мысли о покинутом Доме ради этого мерзотного, продрогшего, пропитанного угрюмостью места возбуждают другие идеи – о трусливом суициде. Увы, пока нет возможности прямо на выходе из аэропорта развернуться, подойти к кассе, взять билет на ближайший самолёт до Рая и никогда больше не возвращаться в эту вечную русскую осень.

Заказанное несколько минут назад такси подъехало, и я даже не успеваю выкурить сигарету и подумать, как скоро ветер раскачает облака настолько, что их влага перельётся через край и опрокинется кислотными дождями на хвойные леса вокруг города, или сможет ли солнце на закате пробиться сквозь плотную завесу затхлой атмосферы и озарить мой грязный балкон последними лучами заката.

Говорливый таксист на пути из одного аэропорта в другой (пилоты самолётов не всегда считают нужным садиться именно в заявленном пункте прибытия. Хорошо хоть город тот же самый) не даёт мне уснуть или подумать, но зато его неугомонный поток слов позволяет потренироваться распознавать приглушённый шумом трасс голос – очередная проблема, с которой другой «я» ни черта не делал, а мне теперь разгрести за ним. Слух безнадёжно посажен постоян-

ными отитами, речь сливается в бессмысленный набор звуков, из которых по обрывкам удается выудить слова, и, заполняя пробелы между ними, я хоть как-то улавливаю смысл фраз и могу поддержать диалог, иногда всё-таки отвечая невпопад.

За пустым разговором прошло почти полтора часа, и мы наконец подъехали к парковке неподалёку от Домодедово. Я избавился от бывшего вояки, скучающего на пенсии. Каждый раз, выходя из очередной машины после очередной беседы, я задаю себе вопрос, почему в таксисты сейчас идут лишь три категории населения?

Первая – это военные в отставке, обязательно женатые, но не привыкшие проводить время со своими супругами и потому убегаящие от них на практичных японских автомобилях. Вторая – это, конечно же, нерадивые студенты на убитых европейцах эконом-класса, при поездке в которых в голову закрадываются вполне обоснованные опасения за безопасность собственной шкуры. Ну и, наконец, постаревшие братки из 90-х, которые то ли подняться не смогли, по тем или иным, ментальным или не очень, причинам, то ли успели вовремя соскочить. Конечно же, ни на чём, кроме уродливых «мерсов», они кататься не могут, не умеют, да и не хотят. Ребят на заниженных «Приорах» я не беру в расчёт – я туда больше не сяду даже под дулом пистолета. Уж лучше пристрелите сразу, прямо из окна, открытого ручным вращением ручки.

В любом случае, «извозчики» (как любил себя называть тот «государственный клерк», который вёз меня несколько месяцев назад в 5 утра из бара в полуобморочном состоянии) – они однотипны и очень похожи на каких-то онанистов.

Ведь можно долго ухаживать за девушкой, изучать её саму, её повадки, интересы, особенности, и, наконец, в момент заветной близости всё равно оплошать. Но потом, если после первого же раза ничего не закончится, спустя десятки ночей или даже несколько лет отношений ты узнаешь, чего она хочет, а чему противится, что любит, а что лучше даже не пытаться сделать, то награда окажется очень и очень достойной – вы просто станете единым целым, сольётесь в экстазе. А можно снять шлюху на час-другой, как-то быстро, не вдаваясь в детали, привыкнуть к ней, удовлетворить себя и бросить её. Но для совсем отчаявшихся есть очень простой и дешёвый выход – кто-то шпилится, а ты сидишь и наярываешь и мечтательно представляешь себя на чьём-нибудь месте из тех, кто по ту сторону экрана, в зависимости от своих вкусов.

Так и с автомобилями. Можно выбрать спутницу на годы вперёд, но долго изучать её, экспериментировать на тест-драйвах, искать точки соприкосновения, пока наконец она не отблагодарит тебя сполна тотальной покорностью и предсказуемостью, и это неплохо. Совсем наоборот – это прекрасно. Можно арендовать на пару дней уставшую, замыз-

ганную машину, которую умельцы после каждого, подобно тебе, наспех приводят в относительный порядок. Тебе едва ли это понравится, но, раз уж деньги отданы, ты постарайся выжать из неё всё, на что она способна, совершенно не заботясь, в каком состоянии, насколько избитая и измотанная она останется после тебя. Ну, а можно вызвать такси и наблюдать, как кто-то другой резво (или не очень) управляется с машиной, которая могла бы быть покорна тебе, пускай всего лишь на несколько часов. В этом мире почему-то стало можно всё.

Моя верная японочка не особо радовалась воссоединению: вместо восторженной мелодии сигнализации я услышал от неё, обиженно отвернувшейся капотом к жестяному забору, только язвительный писк отпирания дверей. Ничего, стоило лишь вставить ключ в зажигание, повернуть его, и мотор тихонько заревел. Лёгкое и нежное нажатие правой ногой на педаль газа, впрыск пьянящего топлива в камеру сгорания, и обороты пошли вверх, рёв усилился, и по рулю пошли лёгкие вибрации. Что же, прокатимся.

В последнее время я за собой всё чаще и чаще стал замечать, что мой стиль вождения сильно изменился. Если раньше я равнодушно тащился со средней скоростью (конечно, не превышающей ограничения на данном типе дороги) в какой-нибудь средней полосе, то сейчас змеёй извиваюсь по полосам (хоть с «поворотниками»), выжимаю из двухлитрового движка каждую лошадиную силу без остатка и заду-

мываюсь о нехватке мощности. И это не потому, что я вдруг возомнил себя «асом», наконец-то слился с машиной (я давно это сделал, наверное, ещё тогда, когда только разглядывал фотографии и читал обзоры этих характерных авто) или мне не хватает адреналина. Просто мне теперь всё равно, если моё лихачество плохо кончится. И раньше у меня было два непогрешимых правила, если на следующий день я собирался сесть за руль: не пить и хорошенько выспаться. А теперь... Налиться и не спать всю ночь? Да почему бы и нет!

Квартира покрыта ровным слоем пыли, как будто меня не было не две недели – а как минимум несколько лет. Даже воздухоочиститель, истратив весь свой ресурс, отключился и раздражённо и злобно сверкал красным диодом, требуя новый фильтр. Кафельный пол в туалете хранил отпечатки подошв кроссовок друга, заходившего полить цветы (ну и справиться нужду, очевидно) в моё отсутствие, кухонная столешница с виду чиста, но это лишь иллюзия удачно выбранного узора – он скрывает грязь, пыль, жирные разводы, да всё что угодно. Бывшая жена выбирала. Но стоит провести по поверхности рукой, и на пальцах останутся тяжёлые пылинки кирпичного цвета. Что же, мне не впервой брать в руки тряпку, наливать ведро тёплой воды и драить всю квартиру часами. Так было после каждого переезда: что в ту забытую московскую квартиру, оставленную моим отцом за пару лет до катастрофы-2011, что после ремонта этой, и после моего

переезда в эту, и теперь, после моего Перерождения. Похоже, это обычный атрибут окончания любого этапа жизни – яростно оттирать окружающую тебя грязь.

Но в первую очередь нужно избавиться от «триггеров» памяти. От всех тех вещей, которые поддерживали старого меня в безнадежном ожидании чуда. Теперь мне они не нужны, они, напротив, будут только усугублять заточение осколка моей души в пустых чувствах и воспоминаниях, злить и давать ему силы и надежду для борьбы. Я не могу этого допустить. Поэтому пыль – пылью, а настоящий мусор прошлых жизней кроется в безобидных с виду вещах. И я должен успеть избавиться от них как можно скорее – у меня есть от силы пара часов до того, как нужно будет ехать забирать пса из гостиницы (и зачем я только позвонил и уже договорился), но время до того, как они, эти безделушки-отсылки к былым временам иллюзии счастья, своей гнилью проникнут в меня и отыщут пожирающую изнутри опухоль, дабы подпитать её – это время неизвестно. Может, потребуется минута, а может, этого не случится вообще. Но если случится – будет тяжело, очень тяжело. Поэтому, даже не разуваясь, я приступаю к Чистке.

Мне оставили только самые старые вещи, памятные выцветшие открытки и фотографии, изношенную одежду, свадебное платье – словом, не нужный ей хлам, который только вывезти на дачу, ну или на мусорку. Как и самого меня, тоже теперь не нужный ей хлам, и тоже на мусорку. Я

остервенело кидаю вещи в прозрачные синие мусорные пакеты – оставшуюся от неё одежду, свадебное платье, и то, в котором мы проторчали часы в электричках в давней поездке в Тверь, на Волгу; рукодельные открытки с корявыми подростковыми, но нежными стихами: «Слова... Вокруг слова одни... Ничтожность их вмешалась (буква «щ» подтёрта) в наши дни, но нет покоя, пока они наполнены тобою...», и я даже зачем-то помню, как она вручала её ему (то есть мне... Тогда ещё – мне) ранним утром в пустой школьной столовой; цепочка с крестом, столь недавно поставившим жирную чёрную точку в наших отношениях; ненавидимая нашим школьным другом баночка с веточками вербы, каждую весну аккуратно и незаметно заменяемыми ею на новые, а я при каждом случае наигранно удивлялся, как они способны не увядать столько лет; подсвечник с выжженными лазером в стекле пузырьками воздуха, складывающимися в фотографию на пирсе в Керчи; рамка с картиной, на которой переплелись в экстазе ангелы, но различимые только под определённым углом, и с надписью (как же красиво она выводила буквы, когда хотела) шариковой ручкой на обороте: «Спасибо за бессонные ночи. Твоя. Всегда.» Не думал, что у слова «всегда» есть свой срок годности. Оказалось – есть, и не такой большой, как могло бы показаться, совсем не те самые обещанные десятки лет.

Старые фотографии, буквально вырывающиеся из рамки, висящей у изголовья кровати, поначалу безразличны, и вос-

поминания встают перед глазами не как яркая насыщенная картинка, но как мутная выцветшая кинохроника. Их слишком много, и я возвращаюсь и возвращаюсь и нехотя прокручиваю всё вновь и вновь, губами нашёптывая тот самый стих: «...и душу вырвав из когтей владык над миром, я её вложу в последний крик...» Часть всего этого отправляется в мусорные пакеты (жаль, что гигантские чёрные мешки для трупов закончились, они пришлись бы сейчас кстати), а часть – в коробку, которую, закончив, я подписываю: «Артём и Ксения, 01.02.2008 – 01.09.2016 R.I.P» и закидываю в самый дальний угол верхней полки гардеробной. Не знаю зачем, почему нельзя просто всё выкинуть? Наверное, я сохранил осколки этой судьбы, чтобы в старости доставать её оттуда и рассказывать чьим-то внукам о том, как глупо мы проиграли даже не свою войну, как безысходно и отчаянно оборвалась история любви на полушаге.

Видения чужого прошлого не прекращаются. Так вот как происходит этот процесс погружения в бездну. Сначала мозг пару мгновений анализирует увиденное, затем перед глазами проносятся статические картинки, десятки, а иногда и сотни, и по каким-то неведомым правилам из них выбирается одна, или даже несколько, и они задерживаются чуть подольше, оживают, будто ролик на сайте, загрузившийся и готовый к воспроизведению: наполняются звуками, запахами, ощущениями, голосами и событиями. И мозг анализирует уже этот, очень подробный, обрывок памяти, обрывок ста-

рых снов, ищет в нём точки, за которые можно зацепиться, и вываливает новые ассоциации. Но и старые ждут, когда дойдёт до них очередь и они оживут в моей голове. Их накапливаются десятки, и процесс становится угрожающе лавинообразным – ему не воспротивиться, от него не убежать, его приходится переживать вновь и вновь.

Теперь понятно, почему он не выдержал, почему он сломался. Мне ещё как-то удаётся смотреть на это со стороны, критически, но он-то был частью этих образов. Он принимал в них непосредственное участие.

Это была его жизнь, не моя, но память безучастна. Она – просто каким-то странным образом запрограммированная база данных. Архив, находящийся в постоянном поиске. И как бы он ни пытался – не мог его отформатировать или хотя бы подчистить, загнать в какие-то рамки, поставить фильтры, ничего подобного. Хочешь или нет, а увидев знакомый шкаф (просто чёртов шкаф), сразу же вспомнишь, как выбирал его с ней, как ходил по складу с удачно подвернувшимся у самого входа таксистом-частником, как вёз его (шкаф, а не таксиста) домой, как высадили её у ВДНХ (и не было даже времени нормально попрощаться, с объятиями и поцелуями – лишь короткое «пока»), как потом собирал его ночью наедине с банкой энергетика и кропотливо следуя наглядной инструкции, как потом с другом на пару, выбрав и купив свадебный костюм (и сделав второй комплект ключей от квартиры), сверлил бетонную стену обыч-

ной дрелью и, раскорячившись, вешал полки.

Шкаф. Просто. Чёртов. Шкаф.

Всё связано с ней, каждая нить ассоциаций в безграничной паутине прожитых мгновений ведёт к ней и только к ней. И я погибаю под этой лавиной, ускользаю из реальности по нитям сюжетов, запутываюсь в паутине.

Хочется верить, что это какой-то кошмар. Какой-то очень странный сон из череды других таких же, и я сейчас проснусь от вибрации телефона весенним солнечным утром в спальне (опять я забыл закрыть жалюзи, которые она вечно открывает), и пёс будет, сидя подле тебя и положив морду на край постели, сдерживать возбуждение, но мотающийся по полу из стороны в сторону хвост выдаст его, и она будет сладко потягиваться справа от меня (а не слева, как советовал сделать семейный психолог, как будто грёбаное расположение нас на одной кровати что-то кардинально изменит), и я скажу, пытаюсь удержать обрывки уползающего видения: «Мне такой странный сон приснился...»

Но этого не будет. Потому что это не сон, это идиотская реальность, от которой не убежать и не скрыться, с которой не совладать и не справиться. С ней можно только смириться и идти дальше, понутив голову. И нужно ставить точки, потому что лимит многоточий исчерпан много лет назад. Даже последние из них я ставил в кредит, а теперь пришло время расплачиваться по счетам. Я выхожу на балкон и сквозь туманные облака наблюдаю за безучастным мерца-

нием звёзд. Может, это тоже просто чьи-то точки? Каких-то других, намного разумнее нас, существ? А мы – лишь микробы на коже этих созданий, и в этот самый момент наш носитель жалуется галактическому дерматологу в галактической больнице на зуд, тот понятиливо кивает головой («да у вас, батенька, люди...») и уже пишет корявым почерком (галактический или нет, а врачи везде одинаковые) название мази от надоедливых вшей.

Холод. Он перестал быть заклятым врагом, но и не стал лучшим другом. Он просто есть, и никуда от него не деться, как и от мёртвых, опадающих с деревьев листьев, как от хмурого неба, так и норвящего разрыдаться дождём. От всего этого омерзения не скрыться. И пусть остальное пока утягивает меня в омут памяти, но мои отношения с холодом стали другими. Он всё так же проникает в каждую клетку кожи, а потом следует глубже, к единственной цели – к моему сердцу, пытается заморозить его, задушить меня, остановить его и оставить моё тело лежать на холодном полу, всё равно где, лишь бы бездыханным. Но это случилось бы со мной старым, с «ним», но не со мной новым. Я впитываю этот ужасающе ледяной воздух осени и насыщаюсь им. Он – будто топливо для моей боли, отчаяния и всепоглощающего гнева. И я предвкушаю зимнее пиршество. Он придаёт мне сил, он кормит мою злость, одиночество (в хорошем смысле этого слова, если оно вообще есть) и оставленность. Я оставлен всеми ими, бывшими со мной в прошлой жизни, которая теперь

кажется просто навязчивым сном, преследующим вспышками памяти по пятам в моём беспокойном пути.

Обшарпанный балкон напоминает декабрь 2008 года, когда я, после очередной ISQ-ссоры по поводу религии, веры и моей бабушки, впервые, будучи выпровоженным из дома, купил пачку сигарет, заварил чай и стоял на балконе. Я только вернулся с работы на экспресс-электричке, следующей всего с двумя остановками перед моей станцией и отходящей с Ярославского вокзала. Даже не знаю, зачем память хранит такие никчёмные детали. Я перечитывал её краткие ответы на мои многословные сообщения и понимал, что всё может быть кончено, окончательно и, с виду, бесповоротно.

Тогда я как-то смог выпутаться парой билетов на мюзикл, которые я без задних мыслей, со слезами на глазах, стоя на ступеньку ниже неё на заплёванной лестничной клетке её типовой многоэтажки, предлагал ей забрать и провести новогодний вечер со своим другим вечным избранником (роковая ошибка). В конце концов я сдался её требованию познакомиться, наконец, официально, с её родителями, и мы спустились буквально пару пролётов, но прежде она, по моему настоянию, позвонила предупредить их о моём приходе. Не люблю незваных гостей – от их посещений одни беды.

Спустя столько лет я отдаю себе отчёт, как он выглядел в их глазах (хотя это осознание пришло немного раньше) – неуправляемый подросток с проколотыми ушами, пирсингом в брови и острыми иголками вместо волос. Её

мать скорбно поджимала губы, а отец предпочитал смотреть в кружку горячего чая, нежели на него. До сих пор не понимаю, что такого они узрели в нём, что дали негласное благословение этим отношениям и пустили жить в их съёмную квартиру (деньги, всегда всё решают деньги). Наверное, просто верили и надеялись, что долго эта связь не продлится, что рано или поздно он решит, что она слишком плоха для него, и просто бросит её, растерзанную беспощадным чувством под названием «любовь», а они смогут её утешить и стать таким образом самыми лучшими и самыми понимающими родителями в мире. Он был с виду далеко не тем парнем, которого я (любой я) желал бы для своей дочери, но кто ж поймёт его слова о вечной верности и бесконечной любви. Тогда это выглядело бы наигранно и притворно, будто он пытался просто затащить её в постель, как десятки других. Только вот «счастливый» билет вытащил всё-таки именно он.

На том балконе съёмной квартиры спустя несколько лет в прогнившем стыке между досками загнездились осы, и это, наверное, единственное, что останавливало меня от очередной сигареты – ведь укусы этих непредсказуемых насекомых для меня смертельно опасны. Места на моей коже, куда впились их жала, не просто опухнут и будут чесаться несколько дней, но их яд проникнет в кровь, и иммунная система слишком неадекватно отреагирует на них, мобилизует все доступные ресурсы: антитела закупорят сосуды, дыхательные пути, и я просто издохну, неспособный больше впитывать истер-

занными лёгкими драгоценный кислород.

Не понимаю, как мне удавалось скрывать свою вредную привычку столько времени. Хотя она должна была догадываться, определённо должна была, и точно догадалась после возвращения из сказки под названием Феодосия, образца 2010 года (ещё украинская её версия, намного более прекрасная, нежели пустое русское подобие), где я стрелял сигареты и покуривал лишь в редкие минуты вечернего одиночества, когда все дремали и набирались сил перед вечером. Она точно догадалась, ведь я оставил квартиру в абсолютном беспорядке и едва ли ожидал, что её отец, как собственник, вдруг наведается проверить её. И я до сих пор удивляюсь, почему он не сказал мне ни слова тогда. Хотя, она сказала всё за него. Может, именно этот момент стал катализатором всего 2011 года, а может, и нет. Какой теперь смысл копаться в настолько пыльном прошлом?

Я замёрз и вернулся в комнату проверить, осталось ли что-нибудь, что заставляет память хватать меня холодными щупальцами и утаскивать в свою морскую пучину. Но нет, квартира умерла, она спокойна и безучастно холодна: остались только пыль, свет и тишина. Только неувядшие цветы и надпись на белой доске «с чистого листа, отрывая якоря» свидетельствуют о том, что здесь кто-то обитает. В остальном – типичная квартира, которую можно снять на денёк-другой, а может, даже на неделю: ничего личного, лишь стандартные вещи – полупустые шкафы, включаемый

раз в столетие телевизор, запроваленная новым бельём кровать, немой, мигающий в потолок холодным диодным светом роутер. Разве что компьютер как-то выбивается из этой арендной истории – слишком новый, и даже дилетанту понятно по подсветке, изящному корпусу и нетипичным внутренностям – дорогой. Я удовлетворённо развернулся и направился в ванную, смыть с себя остатки грязи.

Ненависть склизкой плёнкой обволакивает внутренности. Струи воды, касаясь грубой татуированной кожи, закипают, и та слезает уродливыми кляксами, расплзается зловонной жижей по холодному кафелю ванны, в воздухе витает блевотный аромат варёного мяса. Болевой порог остался далеко позади, и заблокированные в недрах разума остатки сознания ещё пытаются сопротивляться, но толку в этом никакого. Хочется разбить всё, даже не связанное с ней. Взять, разорвать клубок, от которого ещё недавно было смешно и грустно, но оковы былой жизни слишком туго затянулись вокруг моей груди. Разорвать, уничтожить, испепелить всё, оставить лишь чёрную пыль, которую унесёт холодный ветер. И ничего не останется, но это «ничего» само осталось в прошлом, а я, какой-то новый, перерождённый – в настоящем. И настоящее это мне не нравится и едва ли будет нравиться после того, что я собираюсь сделать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.